

Школа: сто лет в нокдауне

Валентин КУМАРИН
Нина ЦЕЛИЩЕВА

В последней четверти прошлого века почти всю Европу и США потряс первый в истории школьный кризис. В Германии и Франции его причину объяснили тем, что в учебных планах гимназий было слишком много латыни и древнегреческого. Англичане и американцы рассудили иначе: кризис разразился потому, что среднее образование, когда оно становится всеобщим и обязательным, неизбежно вступает в смертельную схватку с его единственным уровнем — образовательным стандартом, который для подавляющего большинства детей становится прокрустовым ложем.

Казалось бы, при таких выводах экспертов Россия ещё долго могла бы не тревожиться. В сравнении с просвещённой Европой, а тем более с Америкой у нас количество гимназий было ничтожным: в 1882 г. — 136, а в 1895 г. — 167. Но!.. Именно в это время, с конца XIX в., в России благодаря гигантским зарубежным инвестициям начинается бурное развитие экономики. Уже в самом начале XX в. Россия по темпам промышленного развития обошла не только Америку, но даже Германию (см. работу Ленина “Развитие капитализма в России”) и стала по этому показателю мировым лидером. Это означало, что не пройдёт и десятка лет, как в России неминуемо состоится первое в мире “экономическое чудо”, которое всегда сопровождается такими побочными явлениями, как стремительный рост благосостояния народа, расцвет науки и культуры, не виданная прежде доступность образования.

Предвидя такое развитие событий, умные головы в Министерстве народного просвещения, прежде всего сам министр Николай Павлович Боголепов (1846–1901), добились “высочайшего согласия” реформировать школу загодя, дабы не набить себе синяков и шишек европейского размера. Умный замысел умного министра вызвал живейший отклик в кругах русской интеллигенции и среди уже прочно ставших на ноги предпринимателей, как отечественных, так и приглашённых — младший из братьев Нобелей, которого звали Людвигом, отличился ещё раньше: в далёкой и нищей Удмуртии он на арендованной территории успел внедрить шведскую модель социализма (см.: Кедрова Ирина. Ижевский след Нобеля // Труд. 1999. 30 ноября).

Зачинателем всероссийской акции в поддержку школьной реформы выступил Императорский Московский университет. В феврале 1898 г. при нём и под его покровительством было создано знаменитое “Педагогическое общество”, в котором “по зову души и сердца” объединились лучшие знатоки обучения и воспитания. Председателем “Общества” единодушно избрали Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), всемирно известного историка, члена Российской академии наук, профессора двух университетов (Москвы и Оксфорда), автора школьных учебников по древней истории, истории средних веков и новой истории, а первым заместителем председателя — профессора Николая Алексеевича Умова (1846–1915), первого русского физика-теоретика.

К 1 января 1900 г. в “Обществе” насчитывалось 688 действительных членов и 97 членов-сотрудников. Все они распределялись по восьми отделениям (отделение преподавателей русского языка и словесности, преподавателей естественных наук, преподавателей математики, преподавателей физико-химических наук и т.д.) и пяти комиссиям (по устройству чтений для учащихся, по устройству общеобразовательных экскурсий, по снабжению учебными пособиями и книгами лиц, занимающихся педагогической деятельностью, по вопросам семейного воспитания и по вопросу о преобразовании средней школы).

Когда-нибудь молодая научно-педагогическая поросль вместо того, чтобы ковыряться в марксистской схоластике, плодить пустые “инновации”, тратить свою энергию на “прорывы” в никуда, обратит внимание на “Труды Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете”, и скрупулёзно исследует их в кандидат-

ских и докторских диссертациях с превеликой пользой для научной педагогики и много-страдальной школьной практики. Моя же задача несопоставимо скромнее: лишь на одном примере я хотел бы показать масштабы, стиль и результативность всей работы, которую выполнили истинно русские интеллигенты, добровольно вызвавшись привнести здравый смысл в школьную политику бесконечно дорогого им Отечества.

Читатель, конечно, отметил, что в числе комиссий, которые входили в структуру “Педагогического общества”, была и “комиссия по вопросу реорганизации средней школы”. 12 декабря 1899 г. 24 члена этой комиссии приступили к делу. Им предстояло ни много ни мало разработать доктрину образования для русской школы XX века. Сегодня это покажется фантастикой, но это подлинный факт: к 3 февраля 1900 г., т.е. через 2 (!) месяца (сравните с днепровским ВНИКом: 183 человека 6 месяцев дружно “потели”, чтобы зачать своё дитя — Закон РФ “Об образовании”, и всё равно произвели его на свет с лишней хромосомой) доктрина, над которой трудились всего двадцать специалистов, прошла экспертизу во всех восьми отделениях и пяти секциях, а 4 февраля была уже в Петербурге в руках у П.Г. Виноградова, который тут же и доложил её министерской комиссии по школьной реформе.

Не имея возможности предложить к публикации всю доктрину, я остановился на её обосновании, с чего всегда и начинается любая доктрина. Автором этого обоснования вековой давности является руководитель отделения преподавателей физико-химических наук Дмитрий Дмитриевич Галанин. Если судить по тому, что он написал, то без особого напряжения можно увидеть, что автор полностью дезавуировал гимназический классицизм. В педагогике под классицизмом понимается штудированное изучение классических языков — латыни и древнегреческого, которые якобы способствуют развитию ума. На деле же, как выяснилось, эти мёртвые языки отупляли детей, как отупляет современных школьников так называемое развивающее обучение.